

научно-популярной) литературе конца XIX—начала XX в. Следовал этой концепции, например, В. Малинин, автор исследования о старце Филофее, создателе теории «Москвы—третьего Рима». Относя сочинения Филофея (в стиличе от Милюкова) к XVI в., Малинин, однако, полагал, что они вышли из той «школы мысли», к которой принадлежал Иосиф Волоцкий, применивший к русской действительности начала византийского государственного строя.³⁶ Полностью повторил традиционную оценку направлений Иосифа Волоцкого и Нила Сорского М. В. Довнар-Запольский в статье «Московские гуманисты и обскуранты XVI века». М. В. Довнар-Запольский предложил только некоторые уточнения к характеристике сторонников Иосифа как «консерваторов» и сторонников Нила как «либералов». Он полагал, что «иосифлянская партия, исходя из принципа отождествления земного и небесного владыки, стремилась поддержать и теоретически обосновать развившийся под влиянием целого ряда условий абсолютизм. Эта партия стремилась закрепить те радикальные перемены, которые определились к концу XV века... В культурном отношении взгляды иосифлян отличаются крайним консерватизмом, партийным и личным эгоизмом». Последователи Нила, напротив, были либералами в идеологии и консерваторами в политике: «в религиозных, моральных и социальных взглядах нестяжателей много широкой для того времени гуманности, зато их политические идеалы стремятся к удержанию старинных традиций».³⁷

Некоторые возражения против традиционного взгляда на общественные движения конца XV—начала XVI в. были высказаны М. Н. Сперанским в его «Истории древней русской литературы». М. Н. Сперанский ставит в упрек прежним историкам литературы то, что они «считали официальную литературу главной выразительницей идейного содержания этой эпохи и отводили ей поэтому первое место». По мнению М. Н. Сперанского, «от этого упрека не свободен и Пыпин; ему эпоха XV и до XVII вв. рисуется в очень мрачных, преимущественно отрицательных тонах. Сопоставляя эпоху гуманизма на Западе и современное состояние жизни и литературы у нас, он, естественно, находит на Руси полнейший застой, скудость мысли, особенно живой мысли; но литературные и исторические факты у него освещены односторонне потому, что он имеет в виду главным образом эту официальную литературу при сравнении».³⁸ В отличие от своих предшественников М. Н. Сперанский при изложении истории московской литературы XV—XVI вв. начинает с вопроса о ереси и с еретической литературы. Однако общая оценка литературных течений конца XV—начала XVI в. в его построении, в сущности, не может считаться новой. Ересь конца XV в. М. Н. Сперанский рассматривает как продукт внешнего, прежде всего иудейского влияния; под еретической литературой автор имеет в виду, в сущности, ту переведенную с еврейского языка литературу, которая обращалась в то время на Руси (главным образом Западной Руси); в связи с этим роль ереси в развитии собственно русской общественной мысли осталась в его курсе нераскрытой.³⁹ В иосифлянах М. Н. Сперанский, как и его предшественники, видит представителя официального «старомосковского направления», аргументирующего «исключительно цитатами из священного писания, подобранными «по принципу буквального понимания».⁴⁰ В Ниле Сорском, по мнению

³⁶ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 384 и 580—594.

³⁷ Москва в ее прошлом и настоящем, ч. I, в. II. М. [б. г.], стр. 31.

³⁸ М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 405.

³⁹ Там же, стр. 381—408.

⁴⁰ Там же, стр. 400.